

Михаил Дмитриев

**Мелочи из запаса моей
памяти**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М69

М69 **Михаил Дмитриев**
Мелочи из запаса моей памяти / Михаил Дмитриев – М.: Книга по Требованию,
2015. – 299 с.

ISBN 978-5-518-08928-0

Второе издание, дополненное по рукописям автора.

ISBN 978-5-518-08928-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

J'ai pris la plume pour écrire.
Sur qui est à propos de quoi?
Je l'ignore.

Chateaubriand.

Я знаю многое кое-что объ нашей литературѣ, или объ нашихъ литераторахъ, что теперь или не извѣстно, или забыто. Когда мнѣ случалось упоминать въ разговорѣ что-нибудь изъ прежняго времени, многимъ казалось это новымъ. Я не признаю въ этомъ никакого достоинства, потому что обязанъ этимъ только моимъ лѣтамъ, только тому, что я живу дольше другихъ, что я старѣе молодыхъ словесниковъ: преимущество не важно! — Но, желая подѣлиться съ другими моею памятью, я рѣшился записать всѣ мелочи изъ ея запаса. Прошу и смотрѣть на это, какъ на мелочи, и не требовать отъ меня ни порядка, ни важныхъ свѣдѣній. Я и самъ еще не знаю, что напишется, и съ чего начать. Однакожъ, начнемъ *ab ovo: Тредьяковскій.*

О Тредьяковскомъ я слышалъ мало, и никого не встрѣчалъ, кто бы зналъ его лично. Онъ умеръ въ 1769 году, когда дядѣ моему (*) было только 9 лѣтъ: онъ не могъ знать его. Но я слышалъ отъ многихъ, знавшихъ современниковъ Тредьяковскаго, между прочимъ отъ Платона Петровича Бекетова, что все, что объ немъ рассказываютъ, справедливо. Между прочимъ и то, что когда при торжественномъ случаѣ Тредьяковской подносилъ Императрицѣ Аниѣ свою оду, онъ долженъ былъ отъ самыхъ дверей залы до

(*) Ивану Ивановичу Дмитрѣву.

трона ползти на колѣнахъ. Я думаю, хороша была картина! Судя по всѣмъ объ немъ рассказамъ, кажется, что Лажечниковъ, въ своемъ романѣ: *Ледяной домъ* изобразилъ его и его характеръ очень вѣрно.

Ледяной домъ былъ описанъ академикомъ Крафомъ и напечатанъ съ приложеніемъ гравированнаго плана и фасада. Все производство постройки, вся внутренность дома и украшенія наружныя описаны подробно. У меня есть печатный экземпляръ этого описанія, нынѣ очень рѣдкаго.

Забавы Двора всегда замѣчательны: онѣ даютъ мѣру времени и мѣру просвѣщенія; а притомъ очень замѣчательно, что это производство описывалъ академикъ, профессоръ физики. Онъ же при Аннѣ Іоанновнѣ занимался астрологіею и составлялъ гороскопъ для Ивана Антоновича. Объ этомъ есть извѣстіе въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина.

Ломоносова видалъ мой дѣдъ въ Петербургѣ; но знакомъ съ нимъ не былъ. Ломоносовъ, какъ ученый, занятый дѣломъ, какъ человѣкъ серьезный, а притомъ не богатый и не дворянскаго рода, не принадлежалъ къ большому кругу, какъ Сумароковъ. Объ его характерѣ дѣдъ мой отзывался всегда съ уваженіемъ, и рассказывалъ о его непрерывныхъ ссорахъ съ Сумароковымъ, оправдывая однако Ломоносова. Судя по его словамъ, Ломоносовъ былъ неподатливъ на знакомства, и не имѣлъ нисколько той живости, которою отличался Сумароковъ, и которою тѣмъ болѣе надѣдалъ онъ Ломоносову, что тотъ былъ не скоръ на отвѣты. Ломоносовъ былъ на нихъ иногда довольно рѣзокъ, но эта рѣзкость сопровождалась грубостію; а Сумароковъ былъ дерзокъ, но остеръ: выигрышъ былъ на сторонѣ послѣдняго! Иногда, говорилъ мой дѣдъ, ихъ нарочно сводили и приглашали на обѣды, особенно тогдашніе вельможи, съ тѣмъ, чтобы сравить ихъ. Таковъ былъ вѣкъ!

Съ *Сумароковымъ* были знакомы, въ своей молодости, мой дѣдъ и моя бабка. Родной братъ ея — Никита Аеанасьевичъ *Бекетовъ*, будучи еще кадетомъ, представлялъ на сценѣ Кадетскаго Корпуса Семиру Сумарокова и понравился Елизаветѣ. Нѣсколько времени онъ былъ ея любимцемъ. Потомъ дѣдъ мой, живучи въ Петербургѣ и служа въ гвардіи, былъ коротко знакомъ съ Орловыми: все это было еще при Елизаветѣ, прежде ихъ извѣстности. По этимъ связямъ и знакомствамъ ему часто случалось бывать вмѣстѣ съ Сумароковымъ. Судя по его словамъ, Сумароковъ очень любилъ блистать умомъ и говорить остро, которыя нынче, вѣроятно, не казались бы остротами и любилъ умничать, что тогда принималось за умъ, а нынѣ было бы очень скучно; напримѣръ, однажды за столомъ у моего дѣда подали кулебяку. Онъ, какъ будто не зналъ, спросилъ: «какъ называютъ этотъ пирогъ?»— »Кулебяка!»— «Кулебяка! повторилъ Сумароковъ: какое грубое названіе! а вѣдъ вкусна! Вотъ такъ-то иной человѣкъ по наружности очень грубъ, а распознай его: найдешь, что пріятенъ!» Замѣчаніе очень обыкновенное, котораго дѣдъ мой однако не примѣнялъ къ Сумарокову!

Я сказалъ, что Н. А. Бекетовъ былъ любимцемъ Елизаветы. Это продолжалось очень не долго, и вотъ по какому случаю. Молодой человѣкъ, попавшій въ фавориты, съ небольшимъ двадцати лѣтъ отъ роду, немножко возгордился, началъ представлять изъ себя вельможу и принимать другихъ вельможъ и старыхъ придворныхъ въ шлафрокѣ. Между тѣмъ, надѣясь на красоту и молодость и будучи неопытенъ, онъ мало занимался своимъ туалетомъ. Опытные придворные стали оказывать ему усердіе, давать дружескіе совѣты о сохраненіи цвѣта лица и говорить, что на это есть разныя средства. Бекетовъ отвѣчалъ, что очень радъ бы употребить эти средства, но ихъ не знаетъ. Они вызвались доставить и достали ему

притиранье для сохраненія кожи, которымъ онъ только-что притерся, все лицо попрыщивѣло, такъ что ему нельзя уже было являться ко двору, и онъ по нездоровью долженъ былъ сидѣть дома. Елизавета очень заботилась, спрашивала; все говорятъ—не здоровъ. Она стала добиваться, что за болѣзнь? молчать и дѣлаютъ разныя ужимки, которыя показались ей подозрительны. Это самое заставило ее потребовать, чтобъ ей сказали всю правду. Ей объявили съ осторожностію такую болѣзнь, какой у него совсѣмъ не было... Она никогда не забывала его, обогатила и дала ему земли и деревни близъ Царицына, въ Астраханской губерніи. Тамъ была у него великолѣпная деревня *Отрада*, съ виноградными садами, мраморными водоемами, роскошной мельницей, въ которой не было на малѣйшаго стука, ни малѣйшей пыли, и стояли краснаго дерева ломберные столы для игры въ карты; наконецъ ему же принадлежали богатые рыбныя ловли на Волгѣ, отъ которыхъ произошла Бекетовская икра, нѣкогда знаменитая. При Екатеринѣ онъ былъ Астраханскимъ губернаторомъ и много содѣйствовалъ къ устройству тамошняго края. Между прочимъ при немъ заведена и устроена знаменитая колонія Гернгутеровъ, или Моравскихъ братьевъ, подъ названіемъ *Сарепта*. Онъ былъ пріятный стихотворецъ и написалъ много нѣжныхъ пѣсень. Онъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ вѣреннаго ему края, любимъ и уважаемъ и родными и чужими. Умеръ 1794 года. Племянникъ его И. И. Дмитріевъ написалъ къ его портрету извѣстную надпись, которая заключаетъ въ себѣ самую правду:

Воспитанникъ любви и счастья богини,
 Онъ сердца своего отъ нихъ не развратилъ;
 Другихъ обогащалъ, а самъ, какъ стойкъ, жилъ,
 И умеръ посреди безмолвныхъ пустыни!

Никита Аванасьевичъ, командовавшій полкомъ, на Цорндорфскомъ сраженіи, былъ взятъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ гр.

Захаромъ Григорьевичемъ Чернышевымъ, и содержался въ Кистрияѣ; объ этомъ была сложена пѣсня, которая долго пѣлась въ народѣ и была помѣщена въ Пѣсенникѣ Чулкова. Я помню изъ нея нѣсколько стиховъ:

Какъ возговоритъ Прусской Король:
 Ой ты гой еси Россійской Графъ,
 Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ,
 Со своимъ ли сотоварищемъ,
 Со Никитой Аванасьичемъ
 По фамиліи Бекетовымъ!
 Послужите мнѣ службу вѣрную,
 Какъ служили вы Монархинѣ!
 Какъ возговоритъ Россійской Графъ,
 Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ:
 Послужу я тебѣ службу вѣрную,
 Что своей ли саблей острою,
 На твою ли шею толстую!

Сестра его Катерина Аванасьевна *Бекетова* вышла замужъ за моего дѣда вотъ по какому случаю. Во время придворной жизни ея брата, ее хотѣли взять ко Двору: она была еще очень молода, лѣтъ шестнадцати, и красавица!— Отцу очень этого не хотѣлось: онъ боялся придворныхъ нравовъ. Вскорѣ присватался къ ней мой дѣдъ: ей было уже 17 лѣтъ, а ему 18. Отецъ и радъ былъ этому случаю отдать дочь за хорошаго человѣка и богатаго дворянина хорошей фамиліи, чтобы только отклонить ея принятіе ко Двору.

Отецъ ея, Аванасій Алексѣевичъ *Бекетовъ*, служилъ гдѣ-то воеводой. При Екатеринѣ вышелъ онъ въ отставку и пріѣзжалъ въ Петербургъ поблагодарить государыню. Она его спросила: «А много ли ты, Аванасій Алексѣевичъ, нажилъ на воеводствѣ?» — «Да что, матушка Ваше Величество! нажилъ дочери приданое хорошее: и парчевыя платья,

и шубы; все какъ слѣдуетъ!» — «Только и нажилъ?» — «Только, матушка! И то слава Богу!» — «Ну, добрый ты человекъ, Аѳанасій Алексѣевичъ! Спасибо тебѣ!» Тѣмъ и кончилась аудіенція. — Какая простота тогдашняго времени! Надобно замѣтить, что тогда отправляли на воеводство — покориться. Это былъ употребительный терминъ, такъ что даже просились у государей на воеводство покориться. Нынче не просятъ.

У меня есть приданая роспись моей бабки. Какъ любопытно въ ней видѣть, какія платья и другіе предметы входили тогда въ приданое. А между тѣмъ, при этомъ роскошномъ приданомъ, дано всего двѣ тысячи рублей на *покупку имѣнія*. Слѣдовательно каковы были цѣны! Должно думать, что это приданое, истинно великолѣпное, не стоило и двухъ тысячъ. Я обязанъ этимъ документомъ г. профессору Капитону Ивановичу Невоструеву, который отыскалъ ее въ старинной крѣпостной книгѣ одного архива.

Кстати о старинѣ, и о той, которая современна уже мнѣ, и о прежней. — Такъ какъ я записываю все, что мнѣ приходится на память, безъ всякаго плана, то позволяю себѣ всякія отступленія.

Нельзя и вообразить разницы между тѣмъ, что теперь въ Россіи и что было лѣтъ за 60, за 70 и далѣе. Лучшее въ старину было то, что образъ жизни былъ простѣе, (но эта простота была бы намъ совершеннымъ неудобствомъ и лишеніемъ) что люди были радушнѣе, и жизнь была дешевле. Мотовство было частное, но не было общаго, т. е. роскоши. Воспитаніе дѣтей почти ничего не стоило; впрочемъ не многому и учились, — объ этомъ скажу послѣ. Лучше было еще то, что, до разрыва съ Англіей и приступленія нашего къ континентальной системѣ, сбытъ хлѣба былъ вѣрнѣе и надежнѣе. Быстрыхъ перемѣнъ во внутренней администраціи, въ самую старину, тоже не бы-

ло: все шло привычнымъ образомъ, и все это служило то-же къ спокойствію жизни. Земская полиція была слаба и не имѣла тѣхъ средствъ, какія она имѣетъ нынче. Отъ этого происходило и добро и худо. Сама она, правда, меньше нынѣшняго беспокоила жителей; но за то въ обыкновенный порядокъ вещей входило и то, къ чему, кажется, нельзя и привыкнуть. Напримѣръ, это было дѣло очень обыкновенное, что съ наступленіемъ каждаго лѣта, когда лѣса были уже одѣты густою зеленью, появлялись разбойники: я это помню, гдѣ по рассказамъ, а гдѣ и самъ. Вотъ нѣкоторые примѣры.

Въ самый тотъ день, когда мнѣ минулъ годъ, 23 Мая 1797, дошло извѣстіе до моего дѣда, что будутъ къ нему разбойники. — Спросить: какъ же дошло такое извѣстіе?— Всегда доходило; иногда отъ одного къ другому, теряясь въ первоначальномъ источникѣ; а иногда давали знать и сами разбойники, чтобы хозяинъ ждалъ ихъ. Дѣдъ мой всегда былъ наготовѣ: каждый годъ, съ наступленіемъ весны, въ деревенскомъ его домѣ, на стѣнахъ залы и передней, развѣшивались ружья, сумы съ зарядами, сабли и дротики, съ кольцами и на крѣпкихъ бичевкахъ; а по обѣимъ сторонамъ широкаго передняго крыльца вколачивались сошки съ перекладинами, и на нихъ раскладывались копыя и рогатины. И такъ, врасплохъ застать его было невозможно! Такъ и въ этомъ случаѣ. При первомъ извѣстіи о приближеніи разбойниковъ, ударили въ набатъ; крестьяне, бывшіе въ полѣ, прискакали на господскій дворъ; дворовые всѣ вооружились. Дѣдъ мой надѣлъ на себя кортикъ, который я помню, съ зеленой костяной ручкой, на бархатной портупей; велѣлъ отворить ворота и ждалъ разбойниковъ на крыльцѣ.

Между тѣмъ моя бабушка, мать и тети переодѣлись въ платья дворовыхъ женщинъ, чтобы не быть узнаваемыми, и вмѣстѣ съ нами малолѣтними, попрятались въ саду и въ другихъ мѣстахъ.

На этотъ разъ обошлось однако благополучно. Разбойники, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, вооруженные съ ногъ до головы, подѣхали верхами къ околицѣ, подозвали караульщика и сказали ему: «Поди, скажи Ивану Гавриловичу, что мы не испугались бы его набату, да у насъ лошади приустиали».—Послѣ этого они, въ виду всѣхъ, обѣхали около деревни, подъ горою, и отправились далѣе.— Но въ тотъ же день получено извѣстіе, что они ограбили подъ Сызраномъ мельницу и сожгли ее.

Однажды — я помню — день былъ прекрасный; бабушка моя сидѣла въ гостиной подъ открытымъ окномъ, а дѣдъ мой былъ на гумнѣ. Оба они увидѣли изъ-за лѣсу дымъ, и каждый послалъ человѣка верхомъ, узнать, что горитъ. Одинъ изъ посланныхъ не нашелъ ничего и возвратился; а другой не возвращался. Вечеромъ уже бабушка видитъ изъ окошка, что къ ней идетъ по двору посторонній мужикъ, въ одной рубашкѣ, безъ шапки и босикомъ. Вотъ какое принесъ онъ извѣстіе. Онъ красильщикъ и ѣхалъ съ холстами, крашениной и деньгами, собранными по деревнямъ, за работу. Онъ съ своей телѣгой, а нашъ посланный верхомъ—оба наткнулись на разбойниковъ. Они ихъ ограбили, раздѣли до рубашки, отняли лошадей и привязали ихъ къ двумъ деревьямъ. По счастью у красильщика былъ за пазухой складной ножъ. Онъ досталъ его какъ-то зубами изъ-подъ вѣрота рубашки и ухитрился разрѣзать свои путы; а потомъ освободилъ и товарища, который тоже воротился домой.—Немедленно отправлено было въ тотъ лѣсъ человѣкъ двадцать вооруженныхъ дворовыхъ людей, верхами, отыскивать разбойниковъ, по указанію ихъ плѣнниковъ; но ихъ не нашли. Это доказываетъ однако, что при всемъ страхѣ ихъ нападеній, не боялись боя съ ними.

Но одно происшествіе и напугало насъ, и насмѣшило. Пріѣхалъ къ намъ изъ города засѣдатель Алакаевъ, посланный съ тѣмъ, чтобы набрать мужиковъ и ловить разбойниковъ. Отобѣдавши у насъ, онъ отправился набирать войско. Вдругъ видимъ мы вечеромъ, что съ горы, прямо на наше село, скачетъ множество людей, съ крикомъ—всѣ верхами. Мы думали, что это разбойники. Но оказалось, что это засѣдатель, который, за нашей горою, въ Чувашской деревнѣ Малачкинѣ, набирая войско, напился пьянъ, напоилъ Чувашъ для куражу, и скачетъ съ своимъ отрядомъ куда глаза глядятъ, ловить разбойниковъ! — Почему онъ, вмѣсто лѣсу, поворотилъ въ нашу деревню? Я думаю, онъ и самъ не зналъ этого! — Послѣ страха, много было хохоту!

Однако иногда было не до смѣху. За нѣсколько лѣтъ до того, въ другой деревнѣ моего дѣда, за Волгой, на Буянѣ, разбойники напали на домъ старосты, выпытывали отъ него денегъ, сѣкли и жгли на маломъ огнѣ, а потомъ зажгли его домъ.

Въ самую же старину бывало и то, что шайка остановится близъ города, а атаманъ, вооруженный, идетъ одинъ въ городъ и грабить лавки. Гарнизонные солдаты были старые, увѣчные, дряхлые, безъ ружей; воеводы были тоже старики, отпущенные на воеводство только покормиться: защиты не было; а народъ былъ увѣренъ, что разбойники заговариваютъ ружья, чтобъ они не давали выстрѣла!—Таково было время беззащитности, простоты и предразсудковъ.

Впрочемъ, въ домашней жизни, встарину, жили мирно и безъ всякаго безпокойства; это продолжалось до самаго межеванья. Но съ этой поры (хотя всѣ благоразумные лю-

ди признавали пользу межеванія) деревенское спокойствіе возмутилось. Споры о землѣ произвели ссоры между сосѣдями; наплывъ землемѣровъ и другихъ чиновниковъ, людей голыхъ и голодныхъ, усилилъ вообще взятки, всегдашнюю болѣзнь Россіи; новыя тяжбы подали и судамъ новый случай къ лихоимству. Суды и чиновники сдѣлались нужны и страшны; корыстное чувство, не имѣвшее прежде случаю къ придиркѣ, пробудилось; всѣ были въ безпрестанномъ безпокойствѣ, начались раздоры, и вражда переходила къ дѣтямъ и внучатамъ.

Ссоры бывали и прежде, но не надолго, безъ послѣдствій, и кончались полюбовно между собою. Какойнибудь помѣщикъ запашетъ у другаго землю, а тотъ въ отмщеніе наѣдетъ съ собаками, и потопчетъ, или потравитъ лошадами его хлѣбъ. — Иногда выѣзжали одинъ на другаго и съ цѣлой толпой дворовыхъ людей верхами; доходило и до общей драки, но рѣдко до суда. Мирились на первой попойкѣ. Съ новымъ устройствомъ земской полиціи, по открытіи губерній, нельзя уже было управляться силою. Начались и по этимъ личнымъ обидамъ помѣщиковъ тяжбы нескончаемыя и постоянный кормъ судьямъ. — Такъ худое приноситъ съ собою и доброе; а въ добромъ бываетъ и худое. Вообще же добромъ можно называть то, что согласно съ требованіемъ времени и съ тою степенью, на которой стоитъ человѣческое общество.

Я говорилъ, что встарину не было роскоши; но жили барственнѣе нынѣшняго.

Дѣдъ мой, когда еще служилъ въ гвардіи, при императрицѣ Елисаветѣ, вотъ какъ *выѣзжал* на караулъ, будучи, кажется, еще подпоручикомъ. Да! не ходилъ, а ѣзжалъ въ каретѣ. Подъ мундиромъ былъ у него парчевой камзолъ; а на ефесѣ шпаги, вмѣсто темляка, цвѣтныя ленты, съ бантомъ. Лакей же, стоявшій за каретою, имѣлъ на го-